Противоречивость представлений о докапиталистической формации

Арс Либрев 18.07.2025

Говоря об устройстве современного мира, часто приходится обращаться к объяснениям мировой истории. Одним из них является концепция политаризма, выдвинутая Юрием Семеновым. Я уже публиковал эту заметку, где давал ответы на критику этой концепции. И среди тех, чьи критические аргументы я разбирал, был Илюшечкин, который является автором своей собственной концепции. Это концепция сословно-классовой формации, которая говорит о том, что азиатский, или же палеополитарный, рабовладельческий и феодальный способы производства никогда не существовали в истории человечества, а имела место только одна докапиталистическая формация — сословно-классовая. Эта концепция, является частью его же концепции стадиального развития общества, которая, как считают многие, является развитием марксизма. Поскольку его концепция сравнительно популярна, имеет смысл разобрать его построения. Подчеркну, что я пользовался его книгой о стадиальном развитии общества, в которой он и изложил свою концепцию полноценно. В качестве же так сказать противовеса я буду опираться в основном на труды Семенова, обращу внимание на эту статью, а также на эту, и эту, ну а преимущественно я опирался на его книгу о происхождении и развитии экономики.

Вопрос критерия производительных сил

Работа Илюшечкина фокусируется на вопросе выделения способов производства. Он считает ее развитием формационного подхода, предполагающего смену способов производства в процессе развития общества, в основе которой лежит диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений.

Говоря о том, что производительные силы диалектически связаны с производственными отношениями, выявляя критерии выделения способов производства, в которых отражаются эти явления, он фактически отбрасывает диалектику этой взаимосвязи, а с ней и сами производственные отношения. Он изначально концентрируется на производительных силах. А их буквально сводит к развитию техники. И в итоге, подобно какому-нибудь Анлазу, у него выходит один критерий — уровень развития техники. Конечно, он знает, что производительные силы по Марксу к одной лишь технике не сводятся, но

отмечая это, он заявляет, что сведение производительных сил к одной лишь технике не лишено смысла, т.к. в ней отражается все остальное — общий уровень развития общества, включающий и способности работников и организацию труда и т.д. Но это явное упрощение. Если работники трудятся с помощью вил четыре часа в день, и с помощью тех же вил восемь часов в день при одинаковой интенсивности самого процесса, за восемь часов они заведомо сделают больше. При этом в вилах это никак отражаться не будет — они могут быть одинаковыми в обоих случаях. Таким образом Илюшечкин отбросил целый пласт характеристик, отвечающих за производительные силы, с ними оказались отброшены и производственные отношения. Стремясь выделить «единый общий критерий» и разделить способы производства по «однопорядковому коренному признаку», он проигнорировал тот факт, что производственные отношения влияют на производительные силы. Будучи их отражением, они не являются чем-то обособленным и в известной степени определяют их. Таким образом оказалась отброшена и сама диалектика производительных сил и производственных отношений, о которой он при этом сетует, но которую раскрыть оказался не в состоянии. Фактически его подход при всей риторике о важности диалектики, оказался строго механистическим.

В действительности исходной точкой для определения того, насколько развиты производительные силы, является количество производимого продукта на душу населения. Илюшечкин пытается объявить несостоятельным подход использования в качестве критерия производительность труда. При этом он ссылается на иного автора, который заявил, что попытка использовать в качестве критерия для выделения уровней развития производительных сил производительность труда ограничена, поскольку нельзя сколько-нибудь точно определить эту самую продуктивность в докапиталистическую эпоху. Нет достаточно надежных сопоставимых данных. Но то, что нам не известна конкретика по определенному параметру, это не повод просто класть в него то, что удобно. Однако даже если нет точных данных можно вычислить приблизительные. И сам этот автор их приводит. По его мнению, и впечатлениям Илюшечкина, они подтверждают эту позицию. В действительности, они как раз говорят об ином. Им приводятся абсолютные данные. Но если посчитать относительные — производство продукта на душу населения — то окажется, что в Античности продуктивность была выше, чем на Древнем Востоке, а при феодализме больше чем в античном мире. Далее встает вопрос, что именно позволяет производить больше продукта. Он указывает на то, что невозможно определить зависимость производительности труда от трудозатрат и природных условий. Может оказаться, что и там и там одинаковы и техника и организация труда. Но в одном месте почва более плодородная и

более благоприятный климат, а в ином менее благоприятные условия. Такие характеристики не зависят от людей и потому их нельзя отнести к производительным силам, или точнее стоит разделять природные производительные силы и социальные. И если оказывается, что в местах с одинаковыми природными условиями вырабатывается разный уровень продукта, значит имеют место не одинаковые производительные силы. Зависимость производительности труда от трудозатрат и природных условий можно определить по косвенным признакам. Можно определить как коррелируют сведения о производстве продукта в регионах с одинаковым климатом и имеющимися в те или иные эпохи производственными отношениями.

Далее Илюшечкин снова повторяет, что ступени развития необходимо выделять по качественным характеристикам (подчеркивая, что качественные являются сущностными), а производительность труда является явно количественной. В этом он в известной степени прав. И именно поэтому в основу выделения способов производства Семенов кладет не саму по себе производительность труда, а тип производственных отношений. Предлагаемый же Илюшечкиным критерий, является таким же произвольным, как и попытки разделить по технике в иных отношениях, например по ее сложности, которые он критикует вслед за некоторыми иными авторами. Таким образом, не понимая подлинной диалектики уровня развития производительных сил и производственных отношений, он оказался не в состоянии выделить необходимый критерий для определения способов производства. Ничего кроме путаницы это не вызвало. Азиатские и античные общества опирались на технику одного и того же уровня, однако в античном мире производство оказалось более продуктивным. Более продуктивным, чем античное оказалось в дальнейшем феодальное общество, хотя уровень техники также не слишком отличался. Еще продуктивнее оказался капитализм, когда только зародился еще за века до появления машинного производства. Лишь позже произошла промышленная революция, которая также повысила производство. Однако производственные отношения — отношения распределения и обмена — не изменились. Потому капитализм остался капитализмом, хотя и претерпевал значительные изменения. Также как и общества с палеополитарным, рабовладельческим и феодальным способами производства не были одинаковыми на протяжении всей своей истории по уровню развития техники (если брать различные улучшения, замены бронзы на железо, изменение конструкции сохи и т.д.). Выходит, что развитие техники шло достаточно непрерывно во всех случаях и выделить строгие ступени здесь не выходит. Это с одной стороны и заставило Илюшечкина объединять азиатский, античный и

феодальный способы производства в один. Но ведь по нему затем возник капитализм. В связи с чем? С переходом к машинному производству? Но ведь нет, он появился задолго до промышленной революции. А когда наступила эта революция, он остался капитализмом. Кроме того, он выделяет переход от сословного общества к «сословно-классовому». Но ведь уровень техники в предклассовом обществе не сильно отличался от того, который имел место в тех же обществах Древнего Востока, которые были классовыми, с чем Илюшечкин согласен. Как мы видим, попытка разделить способы производства по уровню развития техники, вся оказывается выстроена на сплошных допущениях. Единственный критерий, который позволяет четко и конкретно выделить их, это социально-экономические производственные отношения — отношения распределения и обмена. Именно они, а не только техника, влияют на уровень развития производительных сил. И только учитывая это становится возможным обнаружить подлинную диалектику их.

Терминологического спора Илюшечкина относительно того, что неправомерно заменять понятия «ступеней развития производительных сил» понятием «уровней развития производительных сил» я затрагивать не буду, поскольку критерий разделения этих «ступеней» в развитии техники у него оказывается таким же произвольным, как и у тех, кто выделяет «уровни». Еще раз, единственным конкретным критерием выделения способов производства оказываются производственные отношения.

Илюшечкин выделяет критерий ступеней развития производительных сил по соотношению человека и техники, т.е. по той роли, которую играет человек в производстве, его степени участия. В этом есть некоторая логика и рациональное зерно. Если докапиталистические общества развивали производства преимущественно с помощью изменения форм эксплуатации труда людей и увеличению их работы, то с приходом капитализма стали во все большей мере применять технические достижения. В этом отношении, позиция Илюшечкина выглядит обоснованной. Но ведь если мы взглянем на переход от первобытного общества к предклассовому и от предклассового к классовому, мы обнаружим там такие же формы приращения производительности, как в докапиталистических классовых обществах. Критерий по которому Илюшечкин разделяет переход от предклассовых («сословных» в его терминологии) обществ к классовым («сословно-классовым» по его словам) такой же произвольный, как и у тех, кто разделяет по критерию техники рабовладение и феодализм. Таким образом он оказывается ничуть не лучше тех, кого он критикует. Более того, в этой схеме выходит, что с развитием техники, человек все в меньшей мере отчуждается от продукта своего труда, безотносительно к производственным отношениям. Ну это довольно спорное

представление, недаром классики марксизма говорили как раз об обратном, что если при ручном труде работник, хотя бы получает непосредственно результаты своего труда, то при промышленном, он превращается в простой придаток машины.

Итак, он кладет в основу выделения способов производства критерий замены трудовых функций работника средствами труда. И как уже и было сказано, этот критерий ничуть не менее произвольный, чем иной критерий развития техники. Переход от первобытного общества к предклассовому (от первобытного к сословному) был переходом от собирательства к земледелию (замена труда, где использовались одни лишь руки, таким, где использовались орудия). Но ведь в период собирательства у людей была еще и охота, в которой использовались орудия. Правда здесь Илюшечкин перестает разделять первобытные общества и сословные и говорит о том, что на этой стадии были и деревянные и костяные и каменные орудия. Далее, переход от предклассового общества к классовому (от сословного к «сословно-классовому») сопровождался отсутствием подобных перемен. Совершенствовалась техника, но совершенствование Илюшечкин не принимает в качестве критерия. В чем же он? В том, что в классовых обществах, человек стал применять не только орудия, требующие его участия, но и требующие животных, запрягание лошадей и буйволов в сохи, а также силу окружающей среды, ветра, течения рек и т.д. Но ведь все эти нововведения не возникли строго в указанных обществах. Тягловая сила животных использовалась и в предклассовых обществах. А в некоторых классовых ручной труд все равно преобладал над трудом с использованием силы животных. Но спишем это на неравномерность развития, о которой любит говорить Илюшечкин. Переход от докапиталистических обществ к капитализму (от «сословно-классовых» к капиталистическим) характеризуется заменой орудий машинами. Но ведь капитализм возник еще до промышленной революции, и сам Илюшечкин это признает, о чем уже говорилось выше. Этот момент объясняется тем, что при мануфактурном капитализме начали складываться отношения, приведшие к организации в дальнейшем промышленных предприятий. Но ведь он до сих пор отрицал значение отношений в развитии производительных сил. Это противоречие остается автором не замеченным. Ну хорошо, получается заменили орудия и сложную тягловую технику машинами. Но ведь человек продолжает ими управлять также как управлял быками с сохой. Здесь Илюшечкин начинает вдруг говорить о том, что машинное производство более продуктивное. Но ведь до этого он сам раскритиковал подход, согласно которому критерием уровня развития производительных сил является производительность труда. Почему же он вдруг об этом вспомнил? Неужели не смог дать внятное объяснение, чем

переход к машинам отличался по качественному соотношению человека и техники, по перенятию функций человека средствами труда? Он говорит, что машины позволили заменить рабочую силу человека средствами труда почти во всех отраслях. Но ведь это же не верно. Также как человек управлял сохой, где тягловой силой были быки или лошади, также он управляет станками и прочим промышленным оборудованием. Любые попытки углядеть здесь качественные различия обернуться выдачей за таковые количественных различий — степени участия работника. Не говоря уже о том, что работники огромного количества сфер не только промышленности могут поспорить с тем, что затрат рабочей силы для той работы требуется меньше, чем на пашне с животными. Таким образом, как я и сказал, критерий, который Илюшечкин выделяет, такой же надуманный, как у остальных любителей техники, вроде Анлаза. Это не решает проблемы выделения способов производства, которая непротиворечиво решается только исходя из критерия производственных отношений. Кстати, замену капитализма коммунизмом он обосновывает тем, что коммунизм более рационален, а значит и продуктивен, благодаря отсутствию частной собственности и погони за прибылью. То есть опять кладет в основу производительность труда, от которой открещивался ранее, а также сводит ее реализацию к изменению производственных отношений. В очередной раз попытка уйти в определении способов производства от производственных отношений обернулась противоречиями самому себе.

Чтобы разрешить все эти противоречия, Илюшечкин вводит понятие промежуточных стадий развития. К ним он относит как раз потерянную сословную стадию, а также мануфактурный капитализм. Бросается в глаза то, что он раз за разом упоминает, что тот или иной переворот в технике, сопровождался многократным увеличением производительности труда. Но ведь до этого он приводил заявления, что эту самую производительность невозможно определить? И при чем тут вообще она, если способы производства выделяются по иному критерию? Таким образом, совершенно неосознанно он пришел к характеристике уровня развития производительных сил на основе производительности труда — количества производимого продукта на душу населения. Он характеризует промежуточные стадии, как периоды сочетания отношений и техники старой и новой ступеней. Несложно заметить, что переход между фазами он связывает с изменением производственных отношений, но сами фазы характеризует по уровню развития техники, конкретно по тому, как трудовая функция работника заменяется средствами труда. Как мы уже видели, в ряде моментов это выходит натянуто. Такую картину он пытается выдать за диалектическую, но ничего не выходит, поскольку в ней не отражается взаимозависимость, взаимоперетекание

производительных сил и производственных отношений, в ней они представлены как отдельные обособленные сущности, хоть и взаимосвязанные. У него их взаимосвязь не носит диалектического характера, она вполне механистическая. Они не являются отражениями единого явления, а являются разными явлениями, хоть и связанными между собой.

Во всей этой системе возникает вопрос об источнике развития производительных сил. Что заставляет появляться новой технике и новым отношениям? Ответ Илюшечкина — сами отношения. И он верен. Но в таком случае получается, что производственные отношения влияют на производительные силы. Но тогда сводить уровень этих сил к уровню развития техники неправомерно. Эти силы определяют отношения, а они влияют на них обратно. В этом единстве и возникает движение, преобразование, оборачивающиеся развитием. Если положить в основу выделения способов производства производственные отношения, это может оказаться отражено. В случае зацикливания на технике, нет.

Итак, каким же может быть однопорядковый коренной качественный критерий отличия одного способа производства от иного? Этот критерий тип производственных отношений, отражающий наиболее передовой уровень развития производительных сил в данный исторический момент. Определяется этот уровень по количеству производимого на душу населения продукта. Попытки же указать жесткие ступени развития сугубо техники, заставляют выделять такой критерий техники, который бы качественно отличал один технический прорыв от иного в контексте развития производительных сил. В случае Илюшечкина, он вышел надуманный, игнорирующий множество факторов, и не обоснованный однозначными признаками отличающими прорыв в технике, положенный в основу нового строя от того, который в него не положен. А главное, он не отражает развитие человечества как единый процесс. Не согласуется не только с самой сутью концепции формационного подхода (единство процесса), но и с данными исторической науки.

Критерий производственных отношений

Как мы видим, Илюшечкин отбрасывает понятие производственных отношений при выделении способов производства. При этом он постоянно повторяет об их взаимосвязи с производительными силами. Наконец он вспоминает об этом и начинает выводить общее основание их. Что там выводить, казалось бы, — это социально-экономические отношения, отношения распределения и обмена. Удивительно, но таких понятий он даже не рассматривает. Он говорит о формах эксплуатации в классовых обществах. Говорит о «соединении работников со средствами производства» по которым производственные

отношения определяли иные авторы, но совсем ничего не говорит об отношениях распределения. Он словно бы и не знает, что то, что в классовых обществах является отношениями эксплуатации, это отношения распределения и обмена. В доклассовых обществах не было отношений эксплуатации, но отношения распределения были.

Что же он выделяет в качестве критерия производственных отношений? Как явствует из дальнейшего изложения, под ним он понимает организацию производства. Я понимаю, что я сам часто подчеркиваю этот момент, говоря о том, что производственные отношения влияют на производительные силы. Но организация производства проистекает из отношений распределения и обмена, а также из уровня развития техники. Здесь мы опять же наблюдаем диалектическое взаимодействие производительных сил и производственных отношений. Однако отношения распределения Илюшечкин даже не рассматривает. Даже если он их и упоминает, то вскользь, подчеркивая иные факторы. А ведь именно отношения распределения формируют сознание людей, именно они порождают у них определенные стремления и желания, именно они таким образом влияют на процесс производства и на развитие производства. Таким образом, именно они лежат в основе организации производства, именно они являются отражением уровня развития производительных сил и влияют на них. Не видя всего этого, Илюшечкин не смог показать ту самую диалектику, о которой постоянно талдычит.

Именно отношения распределения толкают людей на поиски путей увеличения выработки продукта. Распределение в раннепервобытном обществе, где каждый получал по потребностям из общего котла толкало на добычу как можно большего продукта, ведь это позволяло получить больше и самому. Распределение в позднепервобытном обществе, где каждый получал по труду, также толкало на увеличение добычи, ведь от этого зависел размер полученного. Распределение в палеополитарных обществах, толкало собственников, знать, на увеличение эксплуатации путем увеличения рабочего времени. Распределение в рабовладельческом обществе, толкало собственников, рабовладельцев, на поиск большего количества работников, что позволяло увеличить выход продукта. Распределение в феодальном обществе, толкало собственников, привилегированные сословия на увеличение производительности разными путями, включая технический, что привело к возникновению отношений обмена и капитализму. Распределение в капиталистическом обществе толкает на увеличение выработки для большей прибыли, что может даль только улучшение техники, поскольку иные способы увеличения быстро исчерпывают себя в условиях конкуренции, когда каждый производитель их может довести до предела.

В определенный момент, однако, у Илюшечкина всплывает повествование за которым прослеживаются как раз отношения распределения. Он говорит о том, что в первобытном обществе имело место присваивающее хозяйство, в котором продукт был натуральным, самообеспечивающим. То есть хозяйство было натуральным, и этим характеризовались производственные отношения. Затем в докапиталистических классовых обществах возник наряду с ним товарный продукт. То есть хозяйство сочетало в себе натуральное и товарное, и производственные отношения характеризовались именно этим сочетанием. При капитализме же практически весь продукт стал товарным. То есть хозяйство стало товарным, и этим характеризуются производственные отношения. Из этих построений он делает вывод, что докапиталистические классовые общества в этом плане не разделялись — не было никаких рабовладения, феодализма и т.д., а была единая формация. «В этом плане», может действительно не разделялись, но он-то сугубо надуманный. Товарные отношения в докапиталистических классовых обществах не представляли столь серьезного влияния на процесс производства как иные факторы. И он это знает. Он оговаривается, что в докапиталистических классовых обществах произведенный продукт присваивался эксплуататорами. И это присвоение не было связано с товарными отношениями. Но те отношения, которые его представляли, он никак не соотносит со своей схемой стадий развития производства — способов производства. Таким образом, подойдя вплотную к необходимости анализа отношений распределения, он остановился, поскольку это обрушило бы его концепцию. Не желая признавать за производственными отношениями отношения распределения и обмена, он всячески пытается их замести под ковер. Но выпирают они так, что не заметить их невозможно.

В доказательство своих построений, он как и водится, ссылается на Маркса, заявив, что он разделил рабовладельческий и феодальный строи просто потому что так было принято, при этом резко отличил от них капиталистический. Маркс действительно отмечал, как и все последующие марксисты, что капиталистический способ производства заметно отличается от прежних, но он не делал из этого вывод, что докапиталистические общества имели один способ производства. Не делал, поскольку разница в производственных отношениях разных докапиталистических классовых обществ бросается в глаза. Если конечно понимать под ними отношения распределения и обмена, а не то, что понимает Илюшечкин. Обоснований того, почему именно производственные отношения стоит класть в основу разделения способов производства выше уже было приведено более чем достаточно. То почему под ними стоит понимать отношения распределения и обмена, также уже было разъяснено. Думаю на этом стоит остановиться, поскольку дальнейшие конструкции Илюшечкина из-

за специфических совершенно недиалектических его построений также оказываются путанными, противоречивыми и ошибочными.

Его рассуждение о разделении понятия «способ производства» на общественные и технологические, также оказывается противоречивым. Технологические способы производства он характеризует то по организации труда, то по типу используемой техники, то по типу эксплуатации. Таким образом, эксплуатацию он то и дело выделяет то как экономические производственные отношения, то как технологические производственные отношения. Все эти противоречия возникают из-за того, что он не рассматривает отношения распределения и обмена именно как производственные отношения, но, что класть в это понятие вместо них, он, похоже, так и не определился. Он заявляет, что Маркс употреблял понятия азиатского, античного и феодального способов производства в значении технологических способов производства. Это вообще не верно, что уже было показано в отдельной публикации.

Понятие уклада

Что касается понятия уклада, которое также разбиралось в отдельной публикации, и которое означает строй отличающийся разными производственными отношениям, но не обязательно разным уровнем развития производительных сил, то Илюшечкин заявляет, что такое понимание данного понятия несостоятельно, поскольку в его основу кладутся разноплановые, разнопорядковые критерии. В действительности же в него кладется один критерий — тип производственных отношений, представляющий собой отношения распределения и обмена. Но поскольку Илюшечкин их не видит, и не видит того, что именно они являются движущей силой развития общества, он и не понимает значения данного понятия.

Но принимая в качестве критерия разделения способов производства производственные отношения, неизбежным становится констатация факта разных отношений при одном уровне развития производительных сил. А значит возникает необходимость разграничить и описать категории, которые бы этот момент отражали. Эти категории — уклады и подуклады. И их неизбежно оказывается возможным характеризовать как второстепенные способы производства. И возникает необходимость обозначить магистральную линию развития человеческого общества — она оказывается составленной из тех способов производства, каждый из которых в данный исторический момент оказывается наиболее продуктивным, что влияет на культурное развитие. Центр развития науки перемещался из обществ Древнего Востока в античный мир, а оттуда в Западную Европу. Говорить о том, что она развивалась

параллельно во всех этих обществах — значит игнорировать исторические реалии.
Самое интересное, что ниже Илюшечкин фактически подчеркивает, что в тех обществах, которые догматики разделяли сугубо на рабовладельческие и феодальные, имели место несколько типов производственных отношений, за которыми угадываются способы производства, в том числе неосновные, и их варианты, которые выделил Семенов. Но поскольку Илюшечкин определяет производственные отношения не как отношения распределения, то он и не видит за этим разделения способов производства. При этом, он описывает именно отношения распределения, хотя прежде даже не упоминал их при рассмотрении вопроса о содержании производственных отношений.
Таким образом выдержать предлагаемую им схему последовательно у него не выходит.

Иные недостатки представлений

Можно было бы долго разбирать его построения, но, полагаю, этого достаточно. Я не буду здесь касаться сугубо терминологических разногласий, например, отличия его понимая частной собственности от того, которое принято в марксизме, т.е. как собственности на средства производства, позволяющей одним людям присваивать себе плоды труда других людей. Он данный термин использует просто как синоним индивидуальной собственности. А то, что в марксизме понимается под ней, называет эксплуататорской собственностью. Это, как было сказано, сугубо терминологический момент.
Его построения об обществах советского образца, которые он считает социалистическими, и считает, что в них была общественная собственность на средства производства, я разбирать также не буду. Несостоятельность этого однозначно показана в публикациях Семенова, например в этой. На это же я указывал неоднократно в этой заметке и в этой.
Таким образом, его построения лишенные диалектики, непоследовательные и донельзя противоречивые. Принять их за марксистские может только тот, кто так и не понял диалектического метода. А найти в них состоятельность, только тот, кто не владеет никакой логикой и лишен самостоятельного мышления.
Каким бы хорошим специалистом не был Илюшечкин в своей узкой области, истории Китая, и как бы не была похвальна сама попытка творческой разработки марксизма, счесть состоятельной его концепцию не представляется возможным.